

**Военные
Приключения**

ВОСТОЧНАЯ МИССИЯ

СЕРГЕЙ БОРТНИКОВ

Сергей Иванович Бортников

Восточная миссия (сборник)

Серия «Военные приключения»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5978246
Восточная миссия / Бортников С.И.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7629-1, 978-5-9533-6436-2

Аннотация

Осада Перемышля и Галицийское отступление, Брусиловский прорыв и братание с солдатами противника... События Первой мировой войны, все дальше уходящей в историю. Но для казака Федулова, артиллериста Чухломина, бельгийского офицера бронекатчика Константа Ле Маре, оказавшегося на службе в Российской армии, и других героев «Восточной миссии» эти события – реальность дня сегодняшнего. Так же, как и лихие атаки, гибель друзей, разведывательные рейды по тылам противника...

Содержание

Восточная миссия	4
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Сергей Иванович Бортников Восточная миссия

Восточная миссия

1

Много лет Альберт Эйнштейн готовился к этому событию.

Нервничал, переживал, снова и снова проверял, не закралась ли ошибка в его расчеты.

«Еще никогда на мою долю не выпадал такой каторжный труд», – в то время жаловался ученый одному из многочисленных своих друзей...

Через две недели на западе Российской империи произойдет полное солнечное затмение, которое наконец-то подтвердит правильность выводов его главного труда – теории тяготения, исходящей из общей теории относительности.

Только в этот день можно лицезреть звезду, находящуюся на одной линии с Солнцем...

Берлинская обсерватория уже снарядила экспедицию под

руководством Эрвина Френдлиха на Южный берег Крыма. Финансировал ее лично Густав Крупп...

Эйнштейн хлопнул дверью кабинета в Гумбольтском университете и вышел на улицу Берлина.

– Война! Новая война! Германия объявила войну России! – в двух метрах от него громко прокричал белокурый подросток с перекинутой через плечо почтовой сумкой.

– Ну-ка, дай сюда газету!

Броские заголовки не оставляли и тени сомнений – главное дело всей его жизни вдруг оказалось под угрозой!

2

С раннего детства у него было два увлечения: рыбалка и борьба. Какое из них появилось раньше – Анри Герд и сам не мог сказать: сколько себя помнил, он боролся и удил рыбу.

Замок, еще в Средние века пожалованный Людовиком Толстым его далеким предкам, так же, как и Анри, посвятившим свою жизнь защите Отечества, стоял прямо на берегу реки Изер.

Еще пятилетним ребенком он помогал отцу по утрам раскидывать нехитрые рыбацкие снасти, а с семи лет и сам мог запросто поймать руками зазевавшуюся рыбку, не говоря уже о раках, которыми Изер просто кишел...

Бороться тоже приходилось чуть ли не каждый день... Всякое выяснение отношений со старшими братьями и да-

же сестрой Эльвирой, не раз отличавшейся в кулачных боях с соседскими мальчишками, всегда заканчивалось дружеской потасовкой, однако до банальной драки дело никогда не доходило. Уже в четырнадцать лет Анри без особых усилий укладывал их наземь; мать не без оснований шутила: если так пойдет и дальше, скоро он доберется и до родителей...

Капитан улыбнулся воспоминаниям детства и поправил новенькую униформу, ладно сидящую на крепком теле.

...А в пятнадцать лет у него появилось третье увлечение, даже не увлечение – настоящая мужская страсть. Возникла она в Париже, куда Анри отправил отец постигать военное искусство. Здесь юноша впервые увидел автомобиль и сразу неистово влюбился... Спустя несколько лет именно он открыл первую в Бельгии автомастерскую...

Недавно Константу Ле Маре (под таким псевдонимом его знали на ринге и в войсках) предложили стать командиром батареи из нескольких броневиков, поступивших на вооружение бельгийской армии. Капитан с благодарностью согласился... Несколько угловатые «пежо» с мощной броней, увенчанной 37-миллиметровой пушкой, казались верхом совершенства, «гениальным воплощением передовой научной мысли»... Конечно, не прогулочный «де-дион», на котором он приехал домой, но техника что надо!

Накануне немецкие войска вторглись в Люксембург. Как только Констант узнал об этом – прервал свой отпуск и вернулся в Бельгию, так и не успев завоевать очередной титул

чемпиона мира по греко-римской борьбе, который разыгрывался на турнире в Турции. Первым делом поехал не в часть, как предписывалось Уставом, а к старым уже родителям: коль завтра вой на, кто знает, когда еще удастся свидеться с ними. Если вообще удастся...

Впрочем, в то, что его Родина вскоре пойдет под каб лук агрессора, – Ле Маре не верил. Как-никак кайзер Вильгельм и король Альберт I – свояки, они не допустят пролития родственной крови...

Беспощадное августовское солнце все-таки заставило растегнуть, а затем и снять тщательно отглаженный китель.

Констант огляделся и, никого не заметив, сбросил также обувь и штаны.

Разогнался и голышом плюхнулся в воду.

3

Старший урядник Оренбургского казачьего войска Григорий Федулов, как и Константин Ле Маре, жил на берегу реки. Только куда более полноводной и коварной, нежели Изер. После Пугачевского бунта Екатерина II своим Указом нарекла ее «Урал», но местные жители еще долго пользовались старым названием – Яик. Соответственно, и казаков соседнего полка по привычке называли яицкими. «Есть яицкие, а есть безъяцкие», – шутили станичники. Оренбуржцы на это не обижались.

Уральская рыбалка тоже была не ровня бельгийской. Особенно, когда осетры из Каспия шли на нерест. Черную икру тогда казаки возили подводами... Или зимой, когда они багрили на ямах сомов, сазанов и красную рыбу – как издавна называли тех же осетровых... Одному тут не управиться, приходилось собираться в артели. Человек по десять, а то и пятнадцать...

Григорий закурил...

Унылая и размеренная крестьянская жизнь в последнее время изрядно поднадоела.

Ах, как он соскучился по военным походам, исполненным риска и невероятных приключений!

Душевные раны, нанесенные неудачной Японской кампанией, за участие в которой он, тогда еще безусый юнец, заслужил медаль и первый знак отличия на фуражку, оказались гораздо опаснее физических, казачья рука днем и ночью тосковала по шашке, а приходится таскать бредень!

– Чё загрустил, Григорий Терентьевич? – донесся до него голос вахмистра Татаринцева. – Давай хватай невод, завтра начальство приезжает...

«С чего бы это?» – мысленно удивился старший урядник, но вслух не спросил ничего.

«Не положено!»

Альберт не был рожден для престола, хоть и восседал на нем уже почти пять лет. Да, он потомок знатного рода... Отец – граф Фландрский, мать – из Гогенцоллернов... Ну и что из этого? Альберт I не король Бельгии, как ошибочно полагают многие, он «король бельгийцев», и стремится всячески соответствовать своему титулу – лазит по горам, гоняет на автомобилях и мотоциклах, любит упражняться в стрельбе из разных видов оружия.

Альберт всего лишь третий король в истории самой молодой европейской монархии.

До 1830 года его горячо любимая Родина постоянно пребывала под властью то Франции, то Италии, то Пруссии, то Испании, то Голландии... И вот теперь новая угроза независимости... Германский посол Белов-Залеске вручил ультиматум Вильгельма Второго: отвести бельгийские войска к Антверпену и не мешать продвижению немцев на запад. Для принятия решения королю отвели ровно сутки...

Ах, если б только он мог вызвать этого прусского гусака на дуэль! Чтобы избежать человеческих жертв и в честной борьбе выяснить, кто из них сильнее. В своей победе Альберт ни на секунду не сомневался... Как не сомневался и в том, что отклонит ультиматум.

Он пододвинул к себе листок бумаги, макнул перо в чер-

нильницу и написал: «Если бы королям дозволено было воевать, моя первая пуля была б тебе, Вильгельм!»

– Вы меня звали? – где-то сзади раздался тонкий детский голос.

В арке, отделявшей рабочий кабинет от величественного зала, выросла сухощавая фигура Леопольда... Ему уже четырнадцатый год, а выглядит совсем ребенком. И никак не разделяет увлечений родителя. Ни спортом, ни оружием...

– Сын мой, нас ждут тяжкие испытания...

Бледное лицо юноши исказила гримаса страха (забегая вперед, скажу, что в его судьбе тоже найдется «место для подвига», однако Леопольд, в отличие от своего мужественного родителя, в ответственный момент не проявит героизма, будет заигрывать с агрессором, а потом и добровольно сдастся в плен, после чего навсегда останется в памяти своего народа предателем и трусом. Если бы Альберт знал, какая участь ждет его отпрыска, то наверняка повторил бы поступок грозного русского царя... К сожаленью, заглянуть в будущее не могут даже коронованные особы).

– ...Вильгельм предъявил нам ультиматум...

– Как-ка-какой?

– Если мы не пропустим германские войска на Францию, нас ждет оккупация...

– А...а... Не-не-нельзя ли...

– Нельзя... Вы с братом остаетесь возле матери и сестры.

Понимаете, какая ответственность ложится на вас?

– Да, папа...

5

Когда голова Константа показалась из воды, его очи встретились с бездонными синими глазами прелестной незнакомки.

– Капитан Ле Маре?

– Так точно!

– Мой дядя уже третий час ищет вас по всем окрестностям!

– По какому поводу?

– Вам телеграмма...

– А... Так ваш дядя почтальон?!

– Какой вы догадливый...

– Сейчас мы немедленно отправимся к нему... Но... Не могли бы вы для начала отвернуться...

– Как скажете!

Девушка фыркнула и повернула к нему округлый зад, покрытый широченной фламандской юбкой. При иных обстоятельствах Константин не преминул бы немедленно заглянуть под это многослойное убранство, однако сегодня содержимое телеграфного послания почему-то волновало его больше, чем такое желанное (ввиду длительного воздержания) женское тело.

Офицер застегнул китель на все пуговицы и предложил:

– Садись. Поедем искать твоего дядю.

– Спасибо. Я на велосипеде.

– Для него тоже найдется место...

Не дожидаясь согласия, Константин схватил «двухколесного коня» и бросил поперек своего кабриолета. Девчущка молча впорхнула в раскрытую дверь и зажмурила глаза от удовольствия:

– Какое шикарное авто!

– Под стать вам, мадам...

– Мадемуазель... Мадемуазель Ванденбрук...

– А звать?

– Мари-Жозе.

– Ух ты, как дочь короля...

– А вдруг это я?

– Неправда. Малышке Мари всего восемь лет отроду...

– Согласна... А вас как звать?

– Константин... Правда, здесь меня больше знают как Анри...

– Неужели вы Анри Герд, сын старого барона?

– Так точно...

– Тогда я вам не пара!

– Ну, не скажи...

Констант попытался обнять свою спутницу, но та оттолкнула его руку.

– Знаем мы вас, военных!

– Плохо знаете...

– Дома небось у вас жена и куча детишек.

– Нет. Я холост. Слово офицера.

– Вам только и надо, что соблазнить невинную девушку...

И бросить...

– Мари... Мари... Я ваш пленник с первого взгляда!

– Не верю.

– Я докажу!

Он резко нажал на тормоза. Автомобиль остановился посреди роскошного луга. Велосипед поехал вперед и чуть не ударил в спину юную нимфу, замершую в объятиях опытного ловеласа...

– Мари... Мари... Я искал тебя всю жизнь...

Она не сопротивлялась. Такие красавцы нечасто попадают на жизненном пути сельских простушек...

Почтальон был найден только через час.

«Приказываю немедленно прибыть в распоряжение части», – гласила телеграмма.

6

Иван Барбович родился на Полтавщине 27 января 1874 года в семье потомственного дворянина. Его детство и юность не предвещали блистательной военной карьеры. Вместо престижного Петровского кадетского корпуса Иван учился в обычной гимназии, а военную службу начал почти в 20-летнем возрасте, поступив вольноопределяющимся в 29-

й драгунский Одесский полк, стоявший в то время в Ахтырке.

Через полгода он окончил полковую учебную команду унтер-офицеров, а еще через год был зачислен юнкером в Елизаветградское кавалерийское училище, по окончании которого произведен в корнеты и переведен в 30-й драгунский Ингерманландский Его Королевского Высочества великого герцога Саксен-Веймарского полк, расквартированный в Чугуеве. Там Барбович прослужил почти двадцать лет. Заведовал полковым оружием и мастерской, охотничьей, конно-саперной, телеграфной и гелиографической службами...

Готовясь принять пулеметную команду, Иван прошел курс обучения в Ораниенбаумской офицерской стрелковой школе. А вскоре и приобрел первый боевой опыт.

Вообще-то, на Русско-японскую войну ингерманландские драгуны не попали. На Дальний Восток перебросили лишь конно-пулеметную команду штаб-ротмистра Барбовича. Уже там, на далекой корейской земле, Иван проявил себя и как умелый командир, и как удачливый, лихой рубака...

7

Небольшая коммуна Серен под Льежем получила статус города как только там открылось первое металлургическое предприятие. Сейчас Серен известен во всем мире не только как центр тяжелой промышленности, но и родина Жюльена

Ляо – «выдающегося деятеля международного коммунистического движения». И хотя в далеком 1914-м господин-товарищ Ляо еще не был «выдающимся», он уже возглавлял союз металлистов Льежа. Плавить сталь наш герой начал с четырнадцати лет...

В тот день на заводе состоялся очередной митинг, на котором Жюльен выступил с пламенной речью:

– Товарищи! Как вы знаете, вчера на территорию Бельгии вторглись чужестранные войска. Король Альберт Первый объявил всеобщую мобилизацию и принял командование войсками. Не дадим немецкому сапогу безнаказанно топтать нашу землю! Все как один станем на защиту Отечества!

Члены Бельгийской рабочей партии, к числу которых уже тогда принадлежал Ляо, в отличие от российских коллег-социалистов, никогда не призывали разжечь огонь войны, чтобы впоследствии превратить его в пламя революции. Они вполне терпимо относились к буржуазному правительству и даже входили в его состав.

Из толпы слышались возгласы:

– Ура! Смерть оккупантам!

Взбодренный всеобщим понимаем, Ляо продолжал:

– Мы победим! Кто хочет записаться добровольцем?

– Я! Я!

Рабочие, расталкивая друг друга, потянулись к сухощавому подростку, старательно заполнявшему толстый блокнот.

Жюльен слез с трибуны и тоже продиктовал свою фамилию...

8

Иван Барбович со стороны наблюдал за тем, как чистят и разбирают пулеметы подчиненные ему гусары. Да-да, еще в 1907 году легендарный Ингерманландский полк, в котором он служил, стал 10-м гусарским, а Иван, после двухлетнего обучения в Санкт-Петербургской офицерско-кавалерийской школе, теперь возглавлял 2-й эскадрон и всю конно-пулеметную команду.

Как вдруг... На возвышенности за его спиной выросла долговязая фигура всадника на роскошном белом коне. За ним – целый табун одномастных скакунов с седоками в военной форме. Так внезапно всегда появлялся начальник дивизии генерал Келлер, регулярно совершавший со своим штабом инспекционные поездки.

– Ваше превосходительство!..

– Отставить... Как служба, Иван Гаврилович?

– Спасибо... Отменно!

Граф спрыгнул с коня...

Гусары прекратили свое занятие и, построившись в шеренгу, вытянулись в струнку. Однако генерал так и не подошел к ним.

– Как Мария Дмитриевна?

(Засвидетельствовать свое почтение супруге ротмистра спешили многие высокие чины: Мария была дочерью генерал-лейтенанта Родионова, человека влиятельного и нужного.)

– Спасибо, Федор Артурович.

– Ну-с, ведите меня к ней...

– Слушаюсь!

– И прикажите накрыть стол. Не каждый день видите с начальником дивизии...

– Слушаюсь.

...Мария Дмитриевна, невзирая на дворянское происхождение, принялась хлопотать по хозяйству вместе с прислугой. За несколько минут стол был заставлен всякой домашней вкуснятиной... Ели медленно и долго. По окончании трапезы генерал обхватил своего любимчика за талию и вывел в сад.

– Вскоре нам предстоит снова постоять за Веру, Царя и Отечество...

В глазах Барбовича вспыхнули озорные огоньки:

– Скорее бы!

– Не торопитесь, ротмистр, еще повоюете...

9

Прибыв в Брюссель, Ле Маре получил приказ короля: немедленно выдвинуться со своим дивизионом на заранее

подготовленные оборонительные рубежи вдоль речки Маас. Но отбросить назад противника или хотя бы замедлить его продвижение не удалось. После ожесточенных боев был оставлен город Льеж... Там к бельгийской армии прибились много добровольцев из числа рабочих-металлургов. Среди них выделялся острый на язык тридцатилетний мужчина по имени Жюльен, от которого за версту разило коммунизмом, как метко заметил один из младших офицеров. Констант решил держать потенциального провокатора под неустанным контролем и поэтому взял его в экипаж головного броневика.

Но вскоре «красный Ляо», как стали называть его солдаты, доказал свою смелость не на словах, а на деле.

Когда преследуемая неприятелем бельгийская армия поспешно отступала в сторону Антверпена, именно Жюльен сотоварищи вызвались прикрывать ее отход. Это помогло спасти многие жизни...

Капитан Ле Марэ уже не надеялся когда-либо увидеть живыми храбрых льежских металлургов, но тем чудом удалось продержаться до ночи и уже тогда – под покровом темноты – броситься вдогонку за отступавшими.

10

Оренбургцы, к которым на одной из станций присоединились дружественные уральцы со своими лошадьми, уже

несколько недель тряслись в товарных вагонах. Какой населенный пункт станет конечной точкой их изнурительного путешествия – казаки не ведали. Но в том, что их везут на очередную войну, сомнений не имели.

А тут еще кто-то из грамотных раздобыл газету и начал читать вслух:

«Божиею милостью, мы, Николай Второй, император и самодержец Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем верным нашим подданным:

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взидала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особливо силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные в силу создавшихся условий принять необходимые меры предосторожности, мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоинством наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений союзная Австрия Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокою верою в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска наши Божее благословение.

Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля¹, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, царствования же нашего двадцатое.

Николай».

¹ В исторических документах (царском манифесте, дневнике и т. д.) даты приведены по старому стилю. Все остальные – по новому.

Несмотря на всеобщий патриотический подъем, мнения казаков разделились. Одни, оказавшиеся в меньшинстве, воевать не хотели. Мол, семья, хозяйство, путина, да и уборка урожая на носу. Большинство же, в том числе и Григорий Федулов, всю жаждало вражьей крови...

11

Российские ученые предполагали, что полоса затмения рассечет надвое Скандинавский полуостров, пройдет через Ригу, Минск, Киев, восточную часть Крыма, далее – через Турцию, Ирак и Иран. Поэтому Пулковская обсерватория сочла нужным снарядить сразу три экспедиции – в Ригу (С.К. Костинский, Ф.Ф. Витрам, И.А.Балановский, О.А. Баклунд, М.А. Вильев), в Киевскую губернию (Г.А. Тихов², П.И. Яшнов, А.Н.Высотский, С.В. Романская, Н.В. Войткевич-Полякова – ассистентка Высших женских курсов в Петрограде, К.Л. Баев – преподаватель московских гимназий) и в Феодосию (С.И. Белявский, Г.Н. Неуй мин).

Гавриил Андрианович Тихов тщательно готовился к предстоящему эксперименту: заказал в Англии зеркальный телескоп с кварцевым спектрографом, в Германии – картограф с четырьмя объективами.

² Гавриил Тихов (1875–1960) впоследствии стал выдающимся советским астрономом, перу которого в числе других принадлежит и бестселлер «60 лет у телескопа».

Все планы спутала война!

О ее начале ученый узнал из телеграммы, которую его ассистент, прапорщик запаса Николай Калитин³, получил уже в Киеве: «Приказываю немедленно прибыть в Гатчинскую авиационную школу для дальнейшего прохождения службы».

Калитин быстро попрощался и сразу же пересел на поезд, идущий в Санкт-Петербург. А Тихов продолжил свой путь до станции Каменка, чтобы оттуда в повозке, запряженной одной захудалой лошаденкой, добраться до забитого села Ставидлы, где он намеревался устроить наблюдательный пункт.

Только как теперь без помощника? Как?

Решить проблему помог хозяин усадьбы, в которой Гавриил Андрианович разместил свою аппаратуру. К его куму как раз приехал на каникулы сын – студент Киевского университета. Звали его Никита Максименко.

12

Первыми ощутили на себе силу противника бойцы 14-й и 15-й кавалерийских дивизий, расквартированных в Польше. В бою под Красником они не сдержали наступление врага и отступили.

³ В советское время Николай Николаевич Калитин стал одним из самых известных актинометристов – наблюдателей солнечных затмений.

На Юго-Западном фронте войска генерала Кевеса быстро продвинулись в глубь России и уже 17 августа овладели Каменец-Подольским.

Здесь следует заметить, что Николай Второй не считал необходимым держать в мирное время на западе империи большое количество регулярных войск. Мол, достаточно одного Киевского округа. Плюс пограничная стража.

Подразделения 7-й кавалерийской дивизии, насчитывающие 4000 казацких сабель под командованием генерала Михаила Тюлина, базировались во Владимире-Волынском, Ковеле и Грубешове⁴. В Луцке находился штаб 11-й пехотной дивизии, состоящей из четырех полков: Селенгинского, Якутского, Охотского и Камчатского, под общим командованием генерала Федотова. А штаб 11-й кавалерийской Ивана Де Витта был в Дубно. Ее составили 11-й драгунский Рижский полк (в Кременце), 11-й уланский Чугуевский, 11-й гусарский Изюмский (в Луцке) и 12-й Донской (в Радзивилове⁵).

Неподалеку – в Проскурове⁶ – находилось командование двух дивизий под номером 12: кавалерийской Каледина и пехотной Орлова. Правда, в самом уездном городе дислоцировались только два полка – уланский Белгородский и Днепровский пехотный. 12-й уланский Ахтырский стоял в

⁴ Теперь поветовый город в Республике Польша.

⁵ Сейчас Радивилов – районный центр Ровенской области Украины.

⁶ Ныне город Хмельницкий – областной центр Украины.

Меджибоже, еще два кавалерийских полка (драгунский Стародубовский и 3-й Оренбургский казачий) приютились в Волочиске. Азовский пехотный расположился в Староконстантинове, Украинский и Одесский пехотные – в Каменец-Подольском.

Вот, пожалуй, и все силы на западе империи.

Но как только Австро-Венгрии объявила России войну, на Волынь и Подолье, согласно мобилизационному плану, начали прибывать части из, как тогда говорили, внутренних губерний. Из Житомира вышел драгунский Казанский полк, из Белой Церкви – уланский Бугский, из Василькова – гусарский Киевский, из самой «матери городов русских» – Уральский казачий полк, входившие в состав 9-й кавалерийской дивизии под командованием князя Константина Бегильдеева.

Из Сум, Ахтырки, Чугуева и Харькова спешили лихие кавалеристы Федора Келлера, носившего негласный титул «первой пашки России» – драгунский Новгородский полк, уланский Одесский, гусарский Ингерманландский, в котором служил Иван Барбович. Но особым мужеством и отвагой отличались бойцы 1-го Оренбургского казачьего полка, прошедшие Русско-японскую войну и отчаянно жаждущие реванша.

19 августа Каменец-Подольский был освобожден. Но русские и не думали останавливаться!

Альберт I обратился за помощью к Антанте. Навстречу германским войскам были выдвинуты три французские армии левого крыла и одна британская. Сами же бельгийцы откатывались все дальше и дальше на север – в родные места Константа Ле Маре. В конце сентября его подразделение заняло оборону на левом берегу реки Изер. Начался первый этап позиционного противостояния, во время которого капитан частенько навещался к своей Мари-Жозе... Темными вечерами молодые люди уединялись в родовом замке, где подолгу мечтали, что вот-вот закончится война и они смогут наконец создать счастливую многодетную семью...

Нарушить равновесие на поле брани, каким стала вся Фландрия, долго никому не удавалось. Время от времени противники поочередно намеревались обойти друг друга (скорее – враг врага) и ударить с тыла, но из-за малочисленности совершавших обходные маневры отрядов все попытки провалились. И все же 22 октября немцы форсировали Изер. Казалось, крах неминуем, и король Альберт решил собрать у себя в штабе всех офицеров, среди которых нашлось место и для перспективного Константа Ле Маре.

– Господа... Как ни прискорбно, но мы висим на волоске... Треть личного состава нашей армии уже погибла во Фландрии. Еще чуть-чуть, и враг сбросит нас в Северное мо-

ре... Какие будут предложения?

Старые генералы Бейке, Досси, Руве, Леман начали осторожно намекать на возможность капитуляции, что просто взбесило свободолюбивого монарха. И тогда Альберт решил обратиться к молодым офицерам.

– Капитан Ле Маре...

– Я!

– Что можете посоветовать лично вы?

– Мне кажется, нужно поднять шлюзы! Во время прилива... вода быстро заполнит низменную часть суши, уже занятую немцами. И противник будет вынужден отступить. А побежит вперед – попадет под огонь наших пулеметов!

– Подобную мысль высказывает французский генерал Фердинанд Фош. У нас есть специалисты по гидросооружениям?

– Они не нужны, – улыбнулся Константин. – Со шлюзами справится любой технически грамотный человек.

– В том числе и вы?

– Конечно. Здесь рядышком находится наше родовое имение. Мальчишками мы не раз наблюдали за работой гидротехников.

– Чего же мы медлим? Действуйте!

– Есть!

С собой Константин взял Жюльена Ляо и Оскара Тири – еще одного члена их дружного боевого экипажа. Впрочем, что значит «взял»? Все трое просто заняли свои места в головном броневике механизированного подразделения и рванули в сторону моря.

Прилив только начинался. Могучие морские волны с силой обрушивались на бетонную дамбу и, разбиваясь на мириады капель, зависали в воздухе, серебром сверкая в лунной дорожке...

Сколько раз Ле Маре в детстве любовался такой картиной!

Тем временем Ляо и Тири под присмотром бодрого старика, дежурившего на гидротехническом узле, взялись осуществлять задуманное. Вскоре вода в Изере начнет подниматься, река выйдет из берегов и накроет неприятеля...

Констант наслаждался зрелищем и вспоминал, вспоминал, вспоминал...

В двадцать пять он впервые стал чемпионом мира по греко-римской борьбе. Хороших атлетов тогда в Европе было много. Особенно выделялся русский богатырь Иван Поддубный, слава о подвигах которого гремела по всему свету. Коллеги уважительно называли силача Железным! Жаль... Так и не удалось сразиться с ним...

В финале турнира, проходившего в парижском цирке, Константу противостоял рыжий и чересчур грузный баварец. Соперник легко уходил от захватов и выскальзывал из рук. Может быть, он тоже смазал тело маслом, как один из противников легендарного русского богатыря? Ле Маре собрал все силы в кулак и, схватив за трико, потащил немца в центр арены. Там, пользуясь преимуществом в росте, навалился грудью на его голову и нагнул ее до своей талии... Бросок! Тяжелое тело, совершив немислимый пируэт, рухнуло на ковер. Потом беднягу долго не могли привести в чувство...

Бурный поток воды стремительно неся навстречу неприятелю. Никто не сможет его остановить!

Ле Маре, Ляо и Тири сели в броневик и помчались к товарищам по оружию, укрывшимся за высокой железнодорожной насыпью.

К утру все было кончено. Враг отступил на правый берег реки Изер. На 700-километровом участке фронта, от Северного моря до швейцарской границы, снова установилось позиционное равновесие. В этот раз надолго. Впрочем, немцы и не пытались его нарушить – у них начались проблемы на Восточном фронте...

В тот день, когда на Западном фронте немецкая кавале-

рия занимала Брюссель, россияне, отбив все атаки неприятеля, форсировали Збруч и вторглись на территорию Австро-Венгрии.

Войска, прибывающие на фронт, сразу вступали в бой.

21 августа между Ярославцами и Волчковцами⁷ состоялась самая большая и фактически единственная кавалерийская битва Великой войны, в которой сошлись бойцы 10-й российской и 4-й австро-венгерской дивизий.

А 19-го ингерманландские гусары еще отдыхали после утомительного похода, и ротмистр Барбович соблаговолил поднять их боевой дух:

– Здорово, братцы!

– Здравия желаем, ваше благородие!

– Завтра нам предстоит снова, так сказать, понюхать пороху!

– Да уж не впервой! – первым откликнулся старый служака Степан Гордина, уроженец донбасских степей, воевавший вместе с ним на далекой корейской земле.

– Тебе то что? Хоть эскадрон, хоть сотня... А вот сосед твой, небось, уже в портки наложил...

– Кто, Васька? Да он один их всех на капусту покрошит. Мы с вами и прискакать не успеем!

Иван Гаврилович приблизился к новобранцу – высокому, ладно сложенному молодому человеку лет двадцати пяти.

– Женат?

⁷ Теперь в Тернопольской области Украины.

– Так точно, ваше благородие! – бодро рявкнул Василий.

– И детишки есть?

– А как же без них? Парнишка да девонька... Мал мала меньше...

– Ну а баба у тебя хорошая?

– Так точно! Еще как хороша-с... Работает, словно лошадь...

– Я не в лошадиных смыслах, а в бабьих.

– То есть в постели, – подсказал Степан, хорошо знавший повадки своего командира.

– Горяча... Точно сковородка...

– Звать-то как?

– Аграфеной.... Грушей, значит.

– А писать умеет?

– Никак нет: не грамотная она, а подписываться под чужой рукой, того, стесняется...

– Ты, главное, братец, сам не стесняйся... Бей врага, как Аграфену с похмелья!

– Жалею я ее, Иван Гаврилович... Ежели б хоть раз по-настоящему приложился – давно б детишек осиротил...

– Ладно... Сегодня вечером пойдешь со Степаном в разведку.

– Слушаюсь, ваше благородие!

Темнело. Конь под шестипудовым телом Гордины никак не хотел переправляться через Серет, на левом берегу которого расположились ингерманландцы. И тогда вперед рванула лошадь Василия Прыщова. Как только водная преграда осталась позади, гусары спешили и осмотрелись.

– Вот здесь начинается балка, – ткнул в карту указательный палец Степан. – Длинной около километра... За нею справа – поле, а слева – лес. В конце балки наверняка вражий пост или стоянка патруля... Там усилим внимание...

– Хорошо...

– Какое «хорошо», братец? Слушаюсь...

– Слушаюсь, господин вахмистр!

– То-то же...

Гордина отсчитал девятьсот шагов и подал знак, после чего Василий лег на землю и пополз вперед (конь остался под присмотром старшего товарища).

Минут через семь-восемь, показавшихся обоим вечностью, казак вернулся. Недоуменно пожал плечами:

– Никого!

– Что ж, давай, поглядим в четыре глаза...

Лошадей привязали к одинокой березке. После этого Степан плюхнулся на брюхо. Прыщов сделал то же самое.

Выход из балки действительно никто не охранял. Однако

чуть правее Гордина заметил пламя костра, в отблесках которого мелькали чьи-то силуэты.

«Сразу видно – резервисты, – мысленно улыбнулся старый солдат, принимая влево. – Нет на них нашего ротмистра».

Около темневшего на горизонте леса стали на постой несколько сотен ландштурмистов – так в Австрии называли бойцов народного ополчения, которые в мирное время один раз в восемь лет сдавали зачеты по стрельбе. Многим из них было далеко за сорок.

– На таких вояк хватит и нашего эскадрона, – язвительно прошипел Васька и получил толчок в бок: мол, соблюдай тишину.

В светлое время суток Гордина наверняка бы заметил и темные воротники жандармов, однако тех было немного, и особой боеспособности неприятельскому войску они не прибавляли.

На опушке леса стоял пулемет. Была и пушка, но почему-то зачехленная.

У гусар просто чесались руки порубить это, как метко заметил Степан, стадо. Но они четко помнили инструкции командира эскадрона: уточнить расположение войск противника, нанести на карту, по возможности взять языка – и «домой». Более – никакой самодеятельности!

Возвращаясь назад, окончательно осмелевший Прыщов предложил захватить с собой двух отдохавших у костра лю-

дей. Гордина поначалу идею не одобрил, но, немного понаблюдав за незнакомцами, согласился: слишком беспечно те вели себя на передовой. Будто не войне они, а на вечеринке...

Такая наглость обязательно должна быть наказана!

Каково же было его изумление, когда выяснилось, что те двое – даже не резервисты, а штатские. И к тому же – немцы...

17

Барбович неплохо знал немецкий язык, но разобрать то, о чем говорили пленники, не мог. Полное затмение, безымянная звезда, луч которой непременно должен обогнуть Солнце и тем самым подтвердить предположения какого-то гениального ученого... Бред – и только!

Может, командир полка разберется?

Однако Богородский тоже ничего не понял. Пришлось ехать в штаб к начальнику дивизии.

– Разрешите доложить, ваше превосходительство? – как и положено, начал старший по званию.

– Прошу...

– С вашего позволения... Иван Гаврилович...

– Что ж... Давайте, господин ротмистр...

– Мои лазутчики... (Барбович замялся, раздумывая, называть фамилии отличившихся или нет.)

– Продолжайте-с, голубчик! – нетерпеливо протянул генерал.

– Прыщов и Гордина...

– Степан Кузьмич... Он еще служит?

– Так точно! Взяли на той стороне двух штатских... Вот их документы.

– Эрвин Френдлих, Берлинская обсерватория, Фриц фон Дунк, Прусская академия наук, – прочитал вслух Келлер. – Эти господа с вами?

– Так точно.

– Распорядитесь ввести!

Перепуганные ученые нерешительно переступили порог. Но сразу оживились, как только Федор Артурович произнес на их (и своем) родном языке:

– Гутен таг... Значит, вы ученые?

– Да-да, господин генерал...

– Разрешите представиться, граф Келлер.

– О! Мы много слышали о вас! – восхищенно пробормотал Френдлих.

– Итак, вы утверждаете, что...

– Мы направляемся наблюдать солнечное затмение. Послезавтра в полдень.

– Знаю. Штаб дивизии получил соответствующее указание из Ставки с просьбой провести разъяснительную работу среди солдат... А то некоторые из них могут принять затмение за гнев Божий.

– Понимаю, господин генерал...

– К сожалению, сейчас Россия и Германия находятся в состоянии войны, и я просто вынужден задержать вас до выяснения обстоятельств. Кстати, кто может засвидетельствовать ваши личности?

– Не знаю, – раздраженно бросил фон Дунк.

– А что, русские астрономы не снаряжали экспедиций в район боевых действий?

– Насколько мне известно, ближайший наблюдательный пункт Пулковской обсерватории находится где-то под Киевом.

– Кого из наших ученых вы знаете?

– Балановского, Баклунда, Вильева...

– Еще!

– Сергея Константиновича Костинского, Петра Ивановича Яшнова, Гавриила Андриановича Тихова...

– Достаточно. Иван Гаврилович... Передайте господ астрономов в контрразведку. Пускай погостят у нас, пока мы не свяжемся с кем-то из перечисленных ими лиц.

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

– А теперь – по сути, – устало махнул рукой Келлер, когда пленников увели.

– За рекой Серет регулярных войск противника нет. Ни пехоты, ни артиллерии, ни кавалерии, – продолжал Барбович. – Пулемет, пушка и несколько сотен ландштурмистов... Их можно разбить усилиями одного моего... нашего полка.

(Он хотел, как Степан, сказать «эскадрона», но вовремя одумался: рядовому гусару шапкозакидательство простить еще можно, а вот офицеру, начальнику конно-пулеметной команды, – вряд ли!)

– Сведения верны? – отчего-то занервничал генерал.

– Так точно – астрономы подтверждают! Да и Степану Кузьмичу можно доверять.

– Он ведь с вами еще в Японскую войну ходил в разведку, не так ли?

– Так точно!

– А этот... Что-то не припомню такой фамилии...

– Прыщов? Он из новобранцев, – подсказал полковник Богородский.

– Значит, так... Если то, о чем сообщили разведчики, правда – представим их к награде. Завтра же и проверим эти сведения!

Главной задачей кавалерии было прикрывать развертывание войск 3-й армии под командованием генерала Николая Рузского и вести разведку. Но Федор Артурович предчувствовал громкий успех. И решил рискнуть.

18

20 августа части 9-й и 10-й дивизий, сведенные в кавалерийский корпус, легко форсировали Серет, берега которого австрийцы почему-то не защищали. Незначительное сопро-

тивление русским оказали только пограничники и жандармы; ландштурмисты, как и предполагали разведчики, сразу разбежались и, бесконечно названивая своему командованию по телефону, сеяли панические настроения во всей австрийской армии.

Сразу после этого генерал Бегильдеев получил очередной приказ командующего армией: захватить Золочев⁸, а генерал Келлер – выдвинуться на линию реки Золотая Липа и удерживать ее до подхода пехоты.

Но пока еще они вместе, в составе одного корпуса, на одном марше...

21 августа в 6.30 утра 10-я дивизия выстроилась в колонну и выступила в наступательном порядке. 1-й Оренбургский казачий полк (без одной сотни) и одна батарея шли в авангарде, оберегая главные силы: 10-й гусарский Ингерманландский полк и 10-й уланский Одесский полк без двух эскадронов, определенных в боковое охранение, 10-й драгунский Новгородский полк без двух эскадронов, прикрывающих обозы...

Впереди, между населенными пунктами Ярославичи и Волчковцы, им предстояло сражение, о котором мы уже упоминали...

Императорские драгуны, уланы и гусары на конях знаменитой англо-арабской породы шли по старинке «стремя в стремя». Командующий 4-й австро-венгерской дивизией ге-

⁸ Ныне районный центр Львовской области Украины.

генерал Эдмунд Риттер фон Заремба получил от командира своего 13-го корпуса приказ атаковать с тыла российский отряд, обнаруженный на марше через Олеюв на Зборов⁹.

Заремба пребывал в полной растерянности: ни один из многочисленных патрулей нигде не видел русских и – более того – ничего не слышал о них. Однако приказы не обсуждают, а выполняют...

Он сделал все возможное... Поднял по тревоге свою дивизию еще до рассвета и определил место будущей битвы. Отдельные подразделения замаскировал в лесу и на западном склоне ближайшего холма. Пехоте из ландштурмистов поставил задачу прикрывать кавалерию и как следует проинструктировал ее.

Все планы спутало неправдивое донесение разведчиков.

Мол, русские уже занимают Зборов.

Тогда генерал и принял, как оказалось впоследствии, ошибочное решение направить конницу на Худобинцы, чтобы перекрыть стратегическую дорогу Олеюв – Зборов...

Силы были приблизительно равны. С каждой из сторон – по две бригады из двух полков, каждый полк из шести эскадронов приблизительно по 150 всадников.

И все же Заремба имел небольшое преимущество. Его эскадроны насчитывали по 170 бойцов и более, все они имели сменных коней... Жаль только, что в предстоящей битве

⁹ Так в русских документах того времени. Сейчас Олиив и Зборив Тернопольской области Украины.

не смогут принять участие два эскадрона драгун, откомандированных для усиления гарнизона в Бродах – с ними ушла одна батарея; еще один эскадрон улан был отправлен в глубинную разведку.

Три австрийских полка с двумя артиллерийскими батареями приготовились к бою южнее Ярославлиц, в резерве остались воины 15-го драгунского полка, а русских все не было! Наконец лейтенант Гробицкий заметил на возвышении всадника с поднятой пикой. И в это же время к Мониловке приблизился авангард австрийской пехоты, основная ее часть вышла на гребень холма. Солдаты не знали, где находится противник, поэтому перекрестный огонь русской артиллерии оказался неожиданным и очень эффективным. Первые снаряды разорвались прямо в расположении 13-го полка; уланы, ища спасения, беспорядочно рванули в сторону Ярославлиц.

Что тогда говорить о ландштурмистах?

Большинство из них были мобилизованы несколько дней тому назад и утомлены непрерывным многочасовым переходом на восток. Как вдруг – шрапнель над головами! Волей-неволей бросишься наутек!

Командиры попытались организовать оборону на берегу реки Стрипы в Волчковцах, но им осталась верна лишь небольшая кучка солдат.

А генерал Заремба, находившийся на расстоянии 2–3 километров от места расположения пехоты, все выжидал и мед-

лил... Помогать – не помогать... Через 10 минут огонь русских пушек накрыл и его высоту. Последовал приказ отступить...

Заметив, что противник отходит, Келлер решил всеми силами атаковать его.

Оренбургским казакам, недавно получившим подкрепление из-за Урала, был отдан приказ: повернуть на север и преследовать неприятеля. Остальные наступали тремя колоннами – справа драгуны, в центре – уланы, на левом фланге – гусары.

Против казаков Заремба выставил уланов 1-го полка. Но те сразу угодили под огонь русской артиллерии и отошли к Ярославцам, где уже стоял 9-й драгунский полк...

Кавалерийская битва, о которой так мечтали два старых рубаки – Келлер и Заремба, стала неминуемой...

19

Ужасно хотелось курить, и старший урядник Федулов еле удержался от искушения. На дворе – чертовская жара, а вокруг – кукуруза. Сухие стебли могут вспыхнуть как бикфордов шнур. И тогда – провал всей операции!

Взоры казаков обращены на соседнюю высотку. Именно оттуда должен прозвучать сигнал к атаке. Горнист – Тимоха Гаврюшкин – родом из соседней станицы. Где он – там и комполка Леонид Петрович Тимашев. Скорее бы! Скорее

бы!

Ну наконец!

«Пики к бою! Шашки вон! Рысью в атаку – марш! Марш!»

Оренбургцы набросились на вражескую пехоту, как коршуны на беззащитную добычу. Окровавленные шашки свистели в воздухе и с силой опускались на головы таких же простолудинов – рабочих и крестьян, только облаченных в иную униформу. Отовсюду доносились крики и стоны. Но жалости в казацких сердцах они не находили, напротив, будоражили кровь, заставляя верить в собственную лихость и непобедимость...

Одна из лучших в мире армий быстро превращалась в неуправляемое стадо, панически несущееся в сторону Волчковцев, где находился мост через речку Стрипу, охраняемый артиллерией. Дальше отступать было некуда...

И тут вступили в бой основные русские силы.

Их колонну возглавил лично генерал Келлер.

Первым, кто заметил врага, был капитан австрийской армии Кицинский, командир тылового эскадрона 13-го уланского полка. Он сразу подал надлежащий сигнал голосом и саблей. Но было поздно.

Сорокалетний Иван Барбович летел впереди ингерманландцев, сметая всех на своем пути. Он видел, как под полковником Богородским упал подстреленный конь, и, ничего не зная об участии командира полка, стремился личным примером вдохновить остальных гусар.

Обезумевшие австрийцы в поисках спасения бросались к реке, да так и оставались навсегда в болотистых верховьях Стрипы. К обеду все было кончено.

Убито 814 солдат противника и 224 коня. В плен взято 250 кавалеристов и 400 пехотинцев. Среди трофеев – 300 коней, 8 пушек, пулеметы, штабные документы...

По сравнению с этим, потери русских казались ничтожно малыми: всего 164 человека убитыми. Среди них – 59 элитных гусар-ингерманландцев.

Граф был доволен.

Он снова опередил и превзошел своего вечного соперника – князя Бегильдеева, войска которого появились на поле битвы только после Его Победы.

Позже за бой у Ярославич генералы Келлер, Марков и командиры донских конных батарей будут награждены орденами Святого Георгия, командиры полков, а также ротмистр Барбович и ряд других офицеров – Георгиевским оружием.

Кроме этого Иван Гаврилович заработал, как тогда говорили, «две звезды, две дороги» и стал подполковником. А значит, – получил право называться вашим высокоблагородием. Что тоже немаловажно.

20

Григорий наклонился над телом молодого венгерского гусара.

Только что тот был противником, едва ли не злейшим врагом, и вот теперь лежит, окровавленный, в затхлом галицийском болоте. На груди зияет сквозная рана, голова надвое расколота, может быть, даже его – старшего урядника Федулова – рукой.

Лишь глаза – открыты, даже широко распахнуты. В них – синь бездонного неба, отблески ласкового солнца и какая-то неземная тоска... По Родине, по любимой девушке, наконец, по жизни, которую у него так рано и так несправедливо отняли...

А ведь дома наверняка парня ждет невеста, а может, и жена, дети. Волнуются старые родители. Где ты, наш любимый, родная кровинка?

Через несколько дней почтальон принесет им страшную весть. Так, мол, и так, пал ваш сыночек смертью храбрых. Только за что? За что?

Григорий поднял руки к небу и застыл в недоумении. Раскаленное августовское солнце, так нещадно припекавшее всего несколько мгновений тому назад, куда-то исчезло. Вместо него по небу ползли зловещие черные тучи.

Начала раскалываться голова, в конечностях появилась какая-то странная ноющая боль.

Несмотря на все разъяснения командиров, он так и не понял, что стал свидетелем полного солнечного затмения. А если бы и понял, то вряд ли бы поверил, что это, в общем-то, вполне заурядное природное явление сможет так круто из-

менить его устоявшуюся жизнь...

На плечо легла чья-то рука.

Федулов обернулся.

Рядом с ним стоял хорунжий Антонов.

– Идем, Гриня. Граф всех угощают...

– Чей-то расхотелось мне, ваше благородие...

– Эй, братец, очнись! Мы же с тобой еще в Корее пили на брудершафт! После чего перешли на «ты»...

– Вот и пошел ты!..

Обиженный Владимир резво вскочил на коня и рванул прочь, подняв за собой столб пыли...

21

Тихова разыскали в Ставидлах, когда он уже паковал свою аппаратуру.

– Разрешите представиться! Капитан Бесарабов Олег Иванович. Контрразведка Юго-Западного фронта! – лихо козырнул молодой офицер.

– Очень приятно. Гавриил Андрианович. Чем могу быть полезен?

– Вы знаете таких господ – Френдлиха и Дунка?

– Конечно! Мы не раз встречались за границей. На всяких научных мероприятиях...

– Опознать сможете?

– Их что – убили?

– Да нет же! Взяли в плен...

– Ну, слава богу, слава богу! Бедный Фриц, бедный Эрвин... Ведите же меня к ним!

– Легко сказать – ведите... До них – верст и верст!

– Скажите, а как там, на фронте? – глаза Максименко вдруг вспыхнули неистовым огнем.

– Простите, а вы кто будете?

– Ассистент...

– Поедемте – сами увидите-с...

– А можно?

– Ну, ежели вы этот ас-ас...

– Ассистент... Профессор сами аппаратуру носить не смогут. А без ней они – никуда... Правда же, Гавриил Андрианович?

– Так точно! – улыбнулся астроном.

22

Сцена «братания» российских и немецких ученых откровенно потешила генерала Келлера.

– Эрвин! Фриц!

– Гавриил!!!

Френдлих и фон Дунк были немедленно освобождены из-под стражи; русские офицеры, в том числе Барбович и Богородский, немедля, по очереди принесли им свои извинения, и хотя астрономы по-прежнему очень сожалели о том, что

так и не смогли стать свидетелями уникального природного явления, им хватило мужества и мудрости, чтобы оценить благородство противника и простить его.

Война есть война!

Немцев отправили на родину, их спаситель – Тихов – вернулся назад в Пулковое, и только Максименко не покинул расположения дивизии, вымолив благословение самого Келлера.

– Ваше превосходительство, разрешите мне остаться на фронте!

– А что ты умеешь?

– Все!

– Конкретней...

– Стрелять, рубить!

– Для этого достаточно солдат, Никита!

– Могу водить машину...

– Да ну?

– Точно! Могу быть наводчиком, наблюдателем... Лучших наблюдателей, чем астрономы, на свете не найти... Ну чего же вы молчите, Гавриил Андрианович, подтвердите скорее мои слова!

– Это правда! – согласился Тихов.

– Ладно... Пойдете вольноопределяющимся на 6-ю батарею. Там такие специалисты ох как нужны!

– Спасибо, спасибо ваше превосходительство...

– Действуйте!

Спустя несколько дней пути Келлера и Бегильдеева снова пересеклись. В этот раз – в наступлении на Львов. К концу августа город был взят русскими войсками.

Уральские и оренбургские казаки допоздна бродили узкими мощеными улочками галицийской столицы, таращась на вражеских офицеров, при всем оружии, как ни в чем не бывало, прогуливающих под руку с эффектными дамочками в вечерних нарядах.

Для русских солдат отвели австрийские казармы, просторные, светлые, с большим уютным двором. Но даже в такие роскошные апартаменты возвращаться почему-то не хотелось.

Офицеров и вовсе разместили в городских гостиницах.

Когда те выходили на улицу, за ними увязывались толпы еврейских мальчишек, готовых выполнить любое поручение. За один день каждый из них мог заработать 30, 40, а то и 50 копеек. О, неслыханная русская щедрость!

Такая вольница продолжалась трое суток, после чего основные силы ЮЗФ были брошены на Перемышль, форты которого закрывали пути на Карпатские перевалы и Краков...

Началась многомесячная осада города специально сформированной для этих целей 11-й блокадной армией, состоя-

щей из пяти пехотных и одной (9-й) кавалерийской дивизии под общим командованием генерала Дмитрия Григорьевича Щербачева...

24

Командир 6-й батареи капитан Веверн сопровождал начальника Южного сектора обложения крепости в рекогносцировке подступов к крепости и молча восхищался красотой окружающей местности.

Громадные лиственницы, ветви которых пригнулись под весом свежавывающего снега, крутые спуски, поросшие буковыми зарослями, аккуратные полянки, разбросанные между лесом, горные речушки по дну оврагов и ложбин.

Не заметил, как оказался на краю обрыва.

Прямо перед ним, как на ладони, лежала часть оборонительных сооружений противника: два форта, ряды междуфортных укреплений, ближайшие линии укреплений полевого типа, окопы и целые поля проволочных заграждений.

– Господин полковник, посмотрите, какая идеальная артиллерийская позиция, и, кроме того, мы будем находиться прямо над нашей пехотой, – это сразу придаст ей бодрости...

– А как забраться сюда с пушками?

– Да вы только прикажите!

– Ну смотрите, Болеслав Вильгельмович. Под вашу личную ответственность...

Колеса врезались в мягкую, насыщенную влагой почву и рвали дерн. Лошади темнели от пота, густой пар валил от их взлохмаченных спин и боков, с удил падала хлопьями густая белая пена...

Время от времени люди срывались на помощь животным, вытаскивая вязнущие в грязи повозки, поправляя накренившиеся орудия и ящики.

Наконец привал.

Перекур. Минуты на две-три – не более!

И – стук топоров.

Упавшие невысокие деревца солдаты сразу же оттаскивают в стороны, очищая широкую просеку, покрытую свежими мелкими пеньками. По ним батарея пойдет еще выше. В лесу уклон небольшой, повозки движутся легко и свободно, только сильно страдают копыта лошадей, у многих из них на ногах уже выступила кровь...

– Заморились, ребята? – смеется Болеслав Вильгельмович.

– Ничего... Теперя по нашему следу, небось, дорогу проложат, – отвечает кто-то из бывалых артиллеристов.

– Чего прокладывать? Она и так уже проложена: умяли пеньки-то колеса и по откосам здорово взрыта земля, накатать ее только – и дорога готова!

Вскоре высота одолена.

Люди роют землянки в скатах оврага. В самом овраге кроют навесы для лошадей.

У края обрыва – маленький ров в кустах, над которым высятся три хвойных дерева. Местные называют их смереками. Это наблюдательный пункт командира батареи.

– Огонь!

Облако разрыва шрапнели 6-й батареи накрывает опушку.

Веверн записывает установки, – цель № 1!

Вторая шрапнель свистит прямо над головой в направлении одного из фортов, лежащих прямо на скалах. Разрыва не видно.

Капитан опускает бинокль и застывает в недоумении: белое облачко висит в воздухе чуть ли не у подножия высоты, на которой стоят орудия!

Вот что значит стрельба в горах: объект кажется совсем близким, а на самом деле он невероятно далеко!

А ведь вольноопределяющийся Максименко предупредил об этом... Черт! Откуда он все знает?

25

Через несколько дней Веверн встретился в штабе со своим коллегой и давним приятелем штабс-капитаном Волковым, батарея которого разместилась на соседней высоте.

– Какими судьбами, Николая?

– Да вот... Приехал объясниться с начальником дивизии. Он приказал мне разбить Красичинский замок, могущий, при нашем наступлении, стать опорным пунктом противни-

ка.

– И что ты ему ответил?

– Ответил, что и пробовать не буду...

– А он?

– Обещал отрешить меня от командования батареей, если я этого приказа не выполню.

Они рассмеялись.

Красичинский замок, родовое владение князей Сапег, был сложен из крупного камня, трехдюймовые снаряды русских пушек могли оставить на его стенах лишь незначительные метки. Командир дивизии, бывший офицер Генштаба, этого попросту не понимал.

26

После взятия Львова воины 10-й дивизии графа Келлера почти не принимали участия в активных боевых действиях. Так, иногда вступали в стычки с небольшими отрядами противника, изредка совершавшими вылазки из осажденной крепости Перемышль. Поэтому день тезоименитства наследника цесаревича, имя которого носил 1-й Оренбургский казачий полк, был отпразднован почти что с гражданским, мирным размахом.

Как раз кстати подоспели и награды от царского правительства – аж 160 Георгиевских крестов 2, 3 и 4-й степеней. Один из них достался старшему уряднику Федулову. Толь-

ко тот почему-то не обрадовался. Перед глазами Григория неотступно стояло недвижимое тело молодого венгерского гусара. И хотя доблести казаку по-прежнему было не занимать, в последнее время он все реже просился в разведку, все чаще, тоскуя по вечерам у костра, заводил печальные уральские песни.

Это не ускользнуло от внимания командира полка Тимашева. 6 октября, на следующий, после праздника, день, между ними состоялся серьезный разговор.

– Что, братец, закручинился?

– Да так, ваше высокоблагородие... Дом вспомнил... Матрину...

– А я-то, грешным делом, подумал, что ты по войне истосковался... Уж больше месяца шашкой не махавши...

– Устал я, господин полковник...

– Можешь звать меня Леонидом Петровичем.

– Хорошо.

– А крест того, обмыть полагается...

– Он и так обмыт. Вражей кровью.

– Что-то раньше я от тебя таких разговоров не слышал.

– Это потому, что думал я иначе... Угрызеньями совести не перенимался...

– И что тебя так мучит?

– А вот все время думаю, против кого эта война? Против иноверцев? Антихристов? Нет! Нонче супротив нас не ба-сурманы, а такие же христиане, как мы!

– Только не православные. Католики. Протестанты.

– Ну и что с того? Господь-то один, не так ли? А как же – не убий, Леонид Петрович?

– Эх, братец, ты просто продолжения не знаешь... «Не убий без надобности» – говорится в заповеди.

– Тогда другое дело...

27

Удивительно, но приблизительно такие же чувства испытывал в то время и начальник 10-й дивизии генерал Келлер. Ему, немцу по происхождению, непросто было воевать против своих. Нет, рука Федора Артуровича не дрогнет, пруссак – так пруссак, австриец – так австриец... Он до конца дней своих верой и правдой будет служить Отечеству. Впрочем, как и многие другие его соплеменники, волею судеб оказавшиеся в рядах русской армии.

А их всегда было немало.

В императорской свите среди 53 генерал-адъютантов немцами оказались 13 человек (24,5 %). Из 68 лиц свиты генерал-майоров и контр-адмиралов – 16 (23,5 %). Из 56 флигель-адъютантов – 8 (17 %). Всего в Свите Его Величества из 177 германское происхождение имели 37 человек (20,9 %).

Из высших должностей – корпусные командиры и начальники штабов, командующие войсками военных округов – немцы составляли третью часть.

Кроме того, атаманами казачьих войск (?!) являлись: Терского – генерал-лейтенант Флейшер; Сибирского – генерал от кавалерии Шмидт; Забайкальского – генерал от инфантерии Эверт; Семиреченского – генерал-лейтенант Фольбаум.

По понятным причинам в ходе войны немцы меняли свои фамилии. Иоганн Клейст становился Иваном Клестовым, Теодор Мут – Федором Мутовым, Вольдемар фон Визе – Владимиром Фонвизиным и т. п.

И это, несмотря на начатую при императоре Александре III активную борьбу с «германским засильем», после чего в подразделениях русской армии ввели существенные ограничения по количеству офицеров неправославного вероисповедания. С тех пор в одном полку могли одновременно служить не более 10 % католиков и не более 25 % протестантов...

Правда, в отличие от Гришки Федулова, граф недолго терзался сомнениями. Ему, человеку государственному, не пристало руководствоваться минутной слабостью. Он дал присягу – и никогда не изменит ей.

Забегая вперед, отмечу, что свою непоколебимую верность Родине (и государю-батюшке!) Федор Артурович докажет еще не раз. Не поддастся на уговоры большевиков; не снимет погон с мундира перед врагами, обещавшими спасти от верной гибели, и не отдаст им саблю; не станет трусливо убегать подземным ходом, услужливо предложенным монахами для того, чтобы скрыться от петлюровцев, и выйдет к

ним сам. К сожалению, те ответного благородства проявлять не стали – вероломно открыли огонь сзади и добились штыками своих пленников (среди которых окажется и генерал Келлер) в самом центре Киева, у памятника Богдану Хмельницкому...

Через десять лет белогвардейский поэт Петро Шабельский-Борк напишет:

Когда на Киев златоглавый
Вдруг снова хлынул буйный вал,
Граф Келлер, витязь русской славы,
Спасенья в бегстве не искал.
Он отклонил все предложенья,
Не снял ни шапки, ни погон:
«Я сотни раз ходил в сраженья
И видел смерть», – ответил он.
Ну мог ли снять он крест победный,
Что должен быть всегда на нём,
Расстаться с шапкой заповедной,
Ему подаренной Царем?..
Убийцы бандой озверелой
Ворвались в мирный монастырь.
Он вышел к ним навстречу смело,
Былинный русский богатырь.
Затихли, присмирели гады.
Их жег и мучил светлый взор,
Им стыдно, и уже не рады
Они исполнить приговор.

В сопровождении злодеев
Покинул граф последний кров.
С ним – благородный Пантелеев
И верный ротмистр Иванов.
Кругом царила ночь немая.
Покрытый белой пеленой,
Коня над пропастью вздымая,
Стоял Хмельницкий, как живой.
Наглядно родине любимой,
В момент разгула темных сил,
Он о Единой – Неделимой
В противовес им говорил.
Пред этой шайкой арестантской,
Крест православный сотворя,
Граф Келлер встал в свой рост гигантский,
Жизнь отдавая за Царя.
Чтоб с ним не встретиться во взгляде,
Случайно, даже и в ночи,
Трусливо всех прикончив сзади,
От тел бежали палачи.
Мерцало утро. След кровавый
Алел на снежном серебре...
Так умер витязь русской славы
С последней мыслью о Царе.

Николай Тиличев происходил из вполне обеспеченной и достаточно знатной семьи. Но службу Отечеству, как и большинство русских дворян, игнорировать не стал – вскоре после окончания гимназии поступил вольноопределяющимся в артиллерийское подразделение под командованием капитана Веверна.

Как раз в канун Великой войны.

Ее начало он воспринял, как сигнал для совершения военных подвигов, и ежедневно стремился чем-то отличиться.

Вольноопределяющийся – тот же рядовой, только с басонами¹⁰ на погонах и перспективой роста!

За разведку подступов к крепости Перемышль, в присутствии начальника штаба Южного сектора, Николая произвели в прапорщики.

Сам он никак не ожидал офицерского чина в такой короткий срок своей службы и был даже сконфужен этим событием, так как, по его искреннему убеждению, ничего героического пока не совершил.

Солдаты батареи, и раньше с особым почтением отно-

¹⁰ Басон – трехцветный (черно-оранжево-белый) шнурок, которым по краям обшивались погоны вольноопределяющихся. Введен в России в 1875 году для нижних чинов, получивших образование. Давал право на проживание в съемных квартирах.

сившиеся к смельчаку, всегда обращались к нему по имени-отчеству; теперь же они стали называть офицера не иначе как «ваше благородие Николай Александрович», совершенно игнорируя его фамилию.

Одновременно с производством в прапорщики, Тиличев получил первое жалованье и... принес его капитану Веверну.

– Командир, что мне с ними делать?

– Как что? То, что обыкновенно делают с деньгами: расходовать на свои нужды!

– Да не нужны они мне! А копить бессмысленно, мать моя материально обеспечена, а все, что мне нужно, я и так получаю в батарее.

– Все равно на что-нибудь они вам пригодятся. Спрячьте.

Николай сгрел свои деньги обратно, запихал их в карман и вышел. Часа через полтора вернулся – довольный, сияющий.

– Знаете, командир, я нашел применение деньгам!

– Ну...

– Роздал их солдатам.

Так он поступал и впоследствии, распределяя свои деньги среди подчиненных в зависимости от их зажиточности и семейного положения.

Как-то раз Максименко доложил капитану Веверну, что

на одной из высот, покрытой густым кустарником, он заметил какие-то странные сооружения, напоминающие два шалаша из хвойных веток. По его предположениям, так были замаскированы две пушки, время от времени обстреливающие расположение 6-й батареи.

Дистанция казалась небольшой, и Болеслав Вильгельмович попытался накрыть противника залпом.

Открытая по его приказу стрельба еще раз продемонстрировала, насколько обманчивы на глаз расстояния в горах: снаряды не долетали до цели, разрываясь далеко от австрийских позиций. Но именно это обстоятельство, как ни странно, дало положительный эффект.

Австрийцы утратили бдительность и перестали маскироваться. Из шалаша вынесли стол и два стула. Справляясь по карте, разложенной на столе, принялись открыто обстреливать русских. А тем оставалось только посылать по адресу врага бессильные угрозы.

Однако такая ситуация не могла продолжаться бесконечно.

Вскоре россияне незаметно доставили на свои позиции тяжелое орудие и, пользуясь «методой» Максименко, первым же выстрелом накрыли надоедливую огневую точку.

тарей было тихо и спокойно. А потом все началось сначала... Только теперь невидимый противник сосредоточил свой огонь не на позициях артиллеристов, а на пехоте, засевшей в окопах у подножия высоты.

Уральские казаки, присоединенные к 9-й кавалерийской дивизии, на брюхе облазили все окрестности, но так и не установили, где находятся легкие орудия противника. Вскоре капитан Веверн получил угрожающую записку от помощника начдива генерала Гандурина: «Вам не стыдно смотреть, как австрийцы безнаказанно избивают нашу пехоту?»

И тогда Болеслав Вильгельмович решил лично возглавить группу разведчиков, в которую вошли прапорщик Тиличев, наблюдатель Чухломин и трое уральцев.

Они благополучно миновали открытую поляну и углубились в лес, сильно поросший кустарником. Сухие ветки то и дело попадали им под ноги и своим предательским треском нарушали тишину.

Из предыдущих донесений было известно, что где-то тут у австрийцев стоит передовое охранение из цепи сторожевых постов, за которыми находится их полевой караул. Но точного его расположения лазутчики не знали.

Сердца всех шестерых забились учащенно, когда сажень в двадцати от них, словно из-под земли, выросла ссутулившаяся фигура немолодого, по всей видимости, австрийца, на которую жестом указал шедший впереди казак. Головы разведчиков невольно повернулись в другую сторону, где

по всем законам военного искусства должен был находиться еще один часовой. Ну, конечно же, вот и он – из-за высокого куста выглядывает пола серо-голубой шинели...

Казачи легли на землю, артиллеристы последовали их примеру. Передний взял направление между часовыми и медленно пополз на животе, осторожно перекладывая свою винтовку. Остальные проделали то же самое. Вскоре цепь передовых постов осталась позади. Теперь только б не нарваться на полевой караул...

Батарея, на которую охотились россияне, неожиданно открыла пальбу. Неужели она стоит на соседней поляне? Нет, вряд ли, – здесь, в лесу, могут работать только гаубицы, а сейчас, вне сомнений, бьют из пушек...

Тиличеев выбрал самое высокое дерево и залез на него. Знаками показал, что ничего не видно, и спустился наземь.

Лес начал редеть... А пушки все били и били... Двигаясь на звук, разведчики подползли к опушке леса: прямо перед ними, саженьях в пятидесяти, открылись пехотные окопы противника, за которыми и укрылась артбатарея. Самых пушек не было видно, лишь легкий дымок выдавал их место нахождения.

Веверн разложил на снегу карту и нанес на нее все видимое боевое расположение неприятеля. Задание выполнено, пора отправляться в обратный путь!

Спустя несколько часов грязные, измокшие разведчики вернулись домой.

– 6-я батарея к бою!

Снаряды, со свистом рассекая воздух, один за другим посыпались на австрийские позиции.

С того времени неприятель окончательно оставил в покое русскую пехоту.

31

Веверн и наблюдатель Иван Чухломин рассматривали в бинокль австрийские позиции.

– Ваше благородие, там за кустами как будто кто-то хоронится...

– Где?

– Да вон, у самой батареи.... Стоит и смотрит.... Во, опять пошел! Да все кустами, кустами... Коль простой человек, скажем, крестьянин, шел бы прямо...

Незнакомец все ближе подбирался к ним и, наконец, совершенно неожиданно для себя, наткнулся на русский окоп, замаскированный в кустарнике. С ильный испуг тотчас же отразился на его лице, но мужчина быстро овладел собой и упал в ноги о фицеру.

– Ты кто такой? – спросил Болеслав Вильгельмович.

– Хлоп, панночку, хлоп. Шел на свое поле поискать картопли, може, дэсь ще зосталась...

– А где твое поле?

– Да вон там, – он указал рукой куда-то вниз, под обрыв.

– Почему же ты не шел дорогой, а прятался все время по кустам? И как собирался попасть на свой участок? Прыгнуть с обрыва, что ли?

Русин начал божиться и креститься, пытаясь поцеловать руку Веверна. При этом бормотал так много и так быстро, что разобрать, о чем он говорит, не было никакой возможности.

Капитан вызвал конвой, написал донесение и отправил задержанного к командиру 3-го полка Сухачевскому. Тот поверил крестьянину, пожалел его и отпустил.

А через два дня на позиции 6-й батареи обрушился шквальный огонь противника. Причем двенадцатидюймовые неприятельские снаряды ложились точно в цель – такого за австрийскими артиллеристами никогда ранее не наблюдалось.

Канониру Сидорину полупудовым осколком разрезало до кости всю ногу. Старшему фейерверкеру Куварину разорвало руку от локтя до плеча. Убило несколько лошадей.

– Вот что наделал, гад проклятый, – возмущался Чухломин. – И как только господин полковник его не раскусил? Отпустил подлеца, а ведь ясно было, без всяких сумлений, что он шпион!

И действительно, австрийский шпионаж под Перемышлем (в отличие от российского) был на самом высоком уровне. Подозрительные личности шныряли всюду. Их часто задерживали, но за недостаточностью улик почти всегда отпус-

кали на свободу.

Исключением стал только один местный житель, обосновавшийся в своей усадьбе, арендованной под штаб русской дивизии... почтово-голубиную станцию. Солдат 1-го полка из немцев-колонистов вошел с ним в связь и заманил в ловушку. Шпиона взяли с поличным и расстреляли.

32

В то время шпионаж в Австрии был возведен в ранг чуть ли не государственной политики.

Высшим учреждением, руководившим вербовкой и подготовкой тайных агентов, было «Осведомительное бюро Императорского и Королевского Генерального штаба», находившееся в Вене.

Его деятельность в основном сводилась к направлению в нужное русло действий низших органов и обобщению всех разведданных.

Следующую ступень составляли второстепенные бюро и отделы, ведавшие определенными районами и направлениями разведки. Во главе их стояли начальники, имевшие от одного до пяти-шести подчиненных из числа офицерского состава. Плюс агенты и вербовщики шпионов.

Тайные агенты, служившие австрийскому правительству более или менее продолжительное время, пользовались большим доверием и уважением командования. Часть их

проживала в пределах Австро-Венгерской империи и выезжала в Россию по мере надобности для выполнения того или иного поручения, часть жила в Румынии или непосредственно в России.

Среди бюро, работавших на восточном направлении, выделялись:

1) Черновицкое под началом полковника Фишера, на которого было возложено общее руководство шпионажем в России. Оно располагало большим количеством агентов, вербовавшихся как в Буковине, так и по всей территории Румынии и России, и имело в своем распоряжении весьма значительные денежные суммы. Кроме обычного сбора различных сведений о противнике, Черновицкое бюро занималось политической пропагандой в пользу Германии и Австрии, ставило себе в задачу порчу русских магистральных железнодорожных линий (например, взрыв железнодорожного моста у Жмеринки) и склоняло русских солдат к дезертирству. Из видных агентов бюро пятеро жили до войны в России: Адам Хаскалович и Станислав Кубик – в Варшаве, Бурдин и Цукерман – в Одессе, Гольдштейн – в Кишиневе.

2) Львовское под началом капитана Ведерина. Обслуживалось оно почти исключительно женщинами, снабженными подложными русскими паспортами.

3) Бухарестское, два видных агента которого – Кунин и Рубинштейн – жили до войны в Москве. Вообще румынской полицией было официально зарегистрировано более семи

сотен германских и австрийских шпионов.

4) Бюро в Оршове¹¹, которым руководил капитан Кляр, имело в своем ведении Сербию, Румынию и часть Черного моря.

При штабах армий, корпусов и даже дивизий состояли также особые разведывательные бюро и отделения; так, в армии Линзингена начальником бюро из четырех сотрудников был обер-лейтенант Фелькель; армию Бем-Эрмоли обслуживало Львовское бюро капитана Ведерина; в 48-й германской дивизии, действовавшей против российской 9-й армии, разведкой заведовал Фехтнер, и так далее...

Пять контрразведывательных бюро находились в Мункаче¹², Ужгороде, Мармарош-Сигете¹³, Станиславе¹⁴ и на железнодорожной узловой станции Унгены¹⁵. Во главе их стояли гражданские лица; например, Ужгородским заведовал доктор права Барецкий, Станиславским – Птачевский, остальными – полицейские комиссары.

Контрразведывательным бюро армии Линзингена в Мункаче руководил капитан Фридман, а в армии Бем-Эрмоли – ротмистр Себастиан, причем его бюро размещалось во Львове.

¹¹ Порт в Румынии

¹² Теперь Мукачево – райцентр Закарпатской области Украины.

¹³ Город в Румынии.

¹⁴ Теперь Ивано-Франковск – областной центр Украины.

¹⁵ Узловая станция на румыно-молдавской границе, ныне райцентр в Молдове.

Для подготовки агентов и шпионов в Австрии существовало три школы: в Вене, Кракове и Кошице (Кашау). Курс обучения длился 2–3 недели. После несложного экзамена выпускники поступали в распоряжение Венского центрального отделения школы, откуда и направлялись на Восточный фронт.

В тех районах, где российское охранение было особенно бдительным, австрийцы прибегали к следующей хитрости: выпускали шпионов из своих окопов и открывали по ним огонь, якобы пытаясь подстрелить «беглецов».

Тайные агенты, отправлявшиеся не на участки фронта, а в глубь России, следовали обыкновенно через Румынию либо переправлялись через Дунай преимущественно между Тульчей¹⁶ и Измаилом¹⁷ при помощи местных жителей, бравших за свои услуги от 10 до 20 рублей. В Тульче их встречали австрийские агенты и переправляли в Галац¹⁸, где шпионов снабжали паспортами и деньгами.

Самым важным агентам доставались французские, английские, американские и даже турецкие паспорта.

Очень часто австрийцы вербовали в шпионы 15—16-летних мальчиков; те терлись около штабов и обозов, подслушивали разговоры русских воинов, рвали и портили теле-

¹⁶ Теперь в Румынии.

¹⁷ Город областного подчинения в Одесской области Украины, административный центр одноименного района.

¹⁸ Город в Румынии.

фонные провода; многие из них разъезжали по железным дорогам в эшелонах и, пользуясь симпатиями солдат, легко получали нужную информацию.

Особое внимание уделялось вербовке шпионов из числа проституток, ибо во все века и времена именно продажным женщинам чаще всего удавалось выуживать самые ценные сведения из разомлевших мужчин.

Пропаганду сдачи в плен и дезертирства взяли на себя студентки Львовского университета. Они поступали добровольцами в австрийскую армию и сразу сдавались в плен, чтобы вести «разъяснительную работу» среди русских солдат.

Политическая агитация производилась агентами-эмигрантами из Малороссии, организовавшими Союз освобождения Украины, щедро финансируемый австрийским правительством. Их задача заключалась в том, чтобы в случае отступления русской армии всячески вредить ей, препятствовать работе земств и городов, взрывать мосты, склады, магазины и тому подобное.

Все собранные данные доставлялись в бюро самими шпионами или же специальными курьерами. Важную перевалочную роль взяли на себя две конторы Линде. Сам Линде, австрийский артиллерийский офицер, числился директором Бухарестского филиала коммерческого учреждения в венгерском городе Арад, установившего посредничество между пленными австрийцами и их родными для доставки пи-

сем и посылок. В конторах Линде служило несколько германских и австрийских офицеров. Шпионская корреспонденция, поступавшая в Бухарестскую контору, пересылалась оттуда специальными курьерами в Арад, где тщательно просматривалась и поддавалась цензуре...

Для доставки шпионских донесений австрийцы пользовались также почтовыми голубями; таковые были обнаружены в Подволочиске¹⁹ и Радоме²⁰.

Записывать собранные сведения агентам не рекомендовалось – только запоминать.

Донесения писали по возможности на папиросной бумаге секретными чернилами²¹, в обыкновенном виде незаметными на белой бумаге и проступавшими наружу только при нагревании; папиросная бумага вкладывалась затем под внутреннюю цветную подкладку конверта.

В начале войны в Двинском районе была обнаружена масса австрийских шпионов, переодетых в форму противника. 2 сентября 1914 года в Ровно было арестовано 5 человек, из которых четверо оказались русскими солдатами, побывавшими в плену. Им было поручено взорвать железнодорожный мост через реку Гуска у Шепетовки.

При обыске у диверсантов изъяли полтора пуда динамита, карту, хлороформ для усыпления часовых. Инструкти-

¹⁹ Райцентр Тернопольской области Украины.

²⁰ Город в Центральной Польше.

²¹ Сейчас такие чернила называют симпатическими.

ровал и снабжал деньгами их австрийский обер-лейтенант Шиллер, начальник разведывательного бюро в городе Луцке.

Особой щедростью австрийцы не отличались. Так, например, шпионам, посылаемым в Россию, выдавали на расходы авансом только 80—150 рублей кредитными билетами; за взрыв моста у станции Жмеринка, имевшего большое стратегическое значение, или демонтаж рельс предлагали 25 тысяч рублей. Наряду с этим шпион Бурдин, купец из Одессы, получил в апреле 1915 года 16 тысяч рублей.

Но как бы велики ни были расходы Австрии на организацию широкой шпионской сети, они оказались ничтожными по сравнению с общими расходами, вызванными Великой войной, и, несомненно, быстро окупились достигнутыми результатами...

33

Чтобы хоть как-то взбодрить упавшего духом старшего урядника Федулова, Тимашев решил основательно загрузить его. Разведка, патрулирование, хозяйственные работы...

И повсюду за Григорием кто-то присматривал из благонадежных солдат или младших офицеров.

В этот раз рядом с ним находился хорунжий Антонов – он более остальных был озабочен судьбой казака. Когда-то Федулов спас молодому офицеру жизнь, зарубив самурая, уже занесшего над его головою меч...

Конный разъезд объезжал высоту, на которой расположилась 6-я батарея капитана Веверна. И вдруг в сторону ущелья метнулись чьи-то тени. Первым их заметил именно Федулов.

– Стой!

На опушке леса застыли два всадника. Судя по форме – русские гусары.

– Вы кто будете?

– Вахмистр Гордина и рядовой Прыщов.

– Хорунжий Антонов. Ну-ка, подойдите ближе, братцы...

Чем это вы тут заняты?

– Несем охранную службу, ваше благородие!

– В каком полку?

– Десятом Ингерманландском!

– И кто у вас командир?

– Его высокоблагородие господин полковник Богородский!

– А ротмистр Барбович у вас служит?

– Так точно. Только Иван Гаврилович уже не ротмистр, а подполковник...

– Вот дела... А я и не знал, – улыбнулся хитрец Антонов. – Передайте ему привет от комполка Тимашева, меня лично и всех оренбуржцев!

– Слушаюсь, ваше благородие!

В те времена лазутчики редко переодевались в форму врага, поэтому бдительность на войне не помешает...

Казачи сделали еще один круг и чуть не столкнулись с

уральцами – дальше начиналась зона их ответственности. И хотя хорунжий сразу узнал своих по форме, он и в этот раз решил не отступать от требований Устава.

– Здорово, станичники!

– Здравия желаем!

– Кто старший?

– Подхорунжий Жуков.

– Откуда будете?

– Уральские мы!

– Ты ба, земляки! – обрадовался Федулов. – Приходите к нам на огонек. Поболтаем про житье-бытье, чайку попьем...

– Нет, уж лучше вы к нам!

– Отставить! – неожиданно рассерчал Антонов. – Кругом марш!

34

Самую дерзкую за все время осады вылазку противник предпринял 13 ноября.

Тревожно загудел полевой телефон. Веверн схватил трубку...

– Ваше благородие, австрийцы наступают!.. Скорей! Скорей!..

Накануне капитан поздно лег спать и никак не мог сообразить, кому и что нужно от него в такую рань. Но все же соскочил со своей походной кровати и, на ходу одеваясь, рва-

нул в сторону батареи, – артиллеристы уже были на местах.

Хлестко били винтовки, дробно стучали пулеметы. Вражеская шрапнель накрывала окопы, тяжелые снаряды вздымали землю, засыпая ею и горячими осколками русскую пехоту.

Вся поляна усеяна притаившимися австрийцами. Они подошли слишком близко: еще один-два прыжка и будут в русских окопах.

Веверн прижался грудью к выемке в бруствере и с тревогой посмотрел в бинокль. Странно, но австрийцы лежали, словно мертвые, – так, будто и не собирались подниматься. Чего они медлят, чего?

– Правое, огонь!..

Шрапнель, перелетев через неприятельские цепи, рванула посреди леса.

Он уменьшил прицел.

– Правое, огонь!..

Разрыв отнесло в сторону градусов на тридцать.

Неужели ошибка в такой ответственный момент? Не может быть: орудие село крепко в землю, изменить наводки уже нельзя!

– Огонь!..

Шрапнель накрыла задние ряды неприятеля в прежнем, верном направлении. Остальные лежащие цепи оказались в мертвом пространстве, в безопасности от огня 6-й батареи.

Но австрийцы так и не пошли в атаку.

Позже выяснилось, что многие из них просто не могли подняться. Вся опушка да и сам лес оказались полны трупами.

Среди русских тоже было немало потерь. Особенно ранеными: враг стрелял разрывными пулями – с крестообразным надрезом в головной части. Попадая в тело, они раскрывались, как цветок, и наносили ужасные увечья.

Британцы, придумавшие и применившие это «ноу-хау» в Англо-бурской войне, назвали пули «дум-дум» – по имени предместья Калькутты, где находился оружейный завод, первым наладивший их выпуск²².

После боя начальник Южного сектора обложения крепости отправил через одного из пленных солдат письмо коменданту крепости генералу Кусманеку, в котором предупредил его, что если впредь хоть одного русского поразит такая пуля, то все взятые в плен австрийцы будут расстреливаться на месте. Угроза возымела действие!

35

Похоронив убитых и отправив в госпиталь раненых, русские солдаты принялись готовиться к новым боям.

Артиллеристы что-то исправляли в расчетах, чистили пушки и подвозили боеприпасы. Кавалеристы – драгуны, гу-

²² Позже эти пули будут запрещены Гаагской конвенцией.

сары, казаки – первым делом обиходили лошадей, ремонтировали сбрую, поправляли упряжь.

«Царица полей» пехота в основном была занята собой. Винтовками. Обмундированием.

Оренбуржцы обосновались неподалеку 6-й батареи капитана Веверна. После недавнего боя они стали относиться к «пушкарям» с еще большим уважением. Федулов привязал коня, подошел к наблюдателю Ивану Чухломину, которого знал лучше остальных, и почтительно похлопал по плечу:

– Здорово, братец!

– Здорово...

– Молодцы! Ей-богу, молодцы... Если бы не вы, они б нас всех здесь положили...

– Не все вам отличаться!

– Теперичя тебе точно крест на грудь прилепят.

– Лучше на грудь, чем на могилку...

– И то правда... Вот, скажи мне, ради чего все это? Ну, возьмем Перемышль...

– Перейдем Карпаты – и ударим сначала на Будапешт, а затем на Вену! После чего двинем дальше – на Берлин!

– Ладно! Ударим... Двинем... А что потом? Присоединим Германию с Австро-Венгрией к Расsee?

– А ты, Гриня, сильно не напрягайся по этому поводу... У начальства голова поболее будет. Вот возьмем Берлин и посмотрим, что с ним делать!

– Ну-да, ну-да...

Увлечшись разговором, приятели не заметили, что за ними со стороны пристально наблюдает уральский казак. Приглядевшись, Иван признал в нем Семена Зырянова, с которым недавно ходил в разведку.

– Здорово, братец! Чего ты стоишь, как неродной? Подходи, присоединяйся, так сказать, к беседе...

– А это кто с тобой?

– Старший урядник Федулов...

– Что-то мне его голос больно знаком... Уж не ты ль это, братец, намедни на чаек нас звал?

– Я!

– Давай знакомиться. Семен.

– Гриня.

– Назвался груздем – полезай в кузов!

– Тебе из фляги плеснуть аль из самовара?

– Самовара, братец, самовара...

– Бери коня – пехом шагать далече!

– Пошли ко мне в блиндаж, – ближе будет! – нашел выход

Чухломин.

Сказано – сделано.

Они вышли на узкую тропку, ведущую под гору, и, следуя друг за другом, начали подниматься туда, где находился наблюдательный пункт русских артиллеристов. Навстречу им шел поджарый молодой человек.

Чухломин вытянулся в струнку, приложил руку к козырьку фуражки: «Здравия желаю, ваше благородие», – и отпря-

нул в сторону, освобождая путь. То же самое проделали его спутники.

– Здорово, братцы! – бодро ответил незнакомец и, не задерживаясь, «полетел» вниз.

– Кто это? – спросил Федулов.

– Его благородие Николай Александрович Тиличеев. Добрейшей души человек. Он даже жалованье себе не оставляет – раздает солдатам.

– Да ну! – удивился Григорий. – Я и не думал, что среди господ-офицеров есть такие порядочные люди!

– Есть! – подтвердил Зырянов. – Наш командир – полковник Бородин – на привале тоже человек! А в бою – зверь. Попробуй послушаться или, не дай боже, прекословить, самолично на куски порубит...

– А впрочем, зачем они на войне, деньги-то? Ничего ценного на них не купишь. Ни дружбы, ни любви, ни здоровья, ни, тем более, жизни.

– А ты философ, брат! – восхищенно пробасил Семен.

36

После неудачной попытки прорвать блокаду среди осажденных резко возросло число дезертиров. В их числе оказывались главным образом русины, но попадались и лица других национальностей: сербы, поляки, румыны. Не было только мадьяр и австрийских немцев...

По вечерам русские солдаты, вполне доброжелательно относившиеся к перебежчикам, часто затевали такие разговоры:

– Ну, сейчас полезут... Они, как только оказываются в окопе, первым делом руку тянут, – здороваются, значить, а затем ждут хлеба. Видно, с провизией в крепости того, не густо... Дают им галеты, и то понемногу, да что толку с ихних галет? Супротив нашего ржаного сухаря – никуда!

О мадьярах перебежчики говорили с явным недоброжелательством, даже со злобой. Тех лучше кормили, лучше одевали и лучше с ними обращались. Кроме того, именно венгерские части в гарнизоне крепости исполняли обязанности жандармерии.

Однажды Веверн без всякого оружия, лишь с перекинутым через плечо биноклем, шел лесной дорожкой на свой наблюдательный пункт. Внезапно из лесной чащи перед ним выросли пять вооруженных винтовками солдат противника. От неожиданности капитан оторопел. Он был уверен, что оказался с глазу на глаз с австрийскими разведчиками, и не знал, что предпринять. По всей вероятности, его состояние сразу стало понятно австрийцам, потому что один из них поспешил сообщить:

– Извините, господин офицер, мы пришли сдаваться в плен.

– Как же вы прошли незамеченными через наши пехотные линии?

– Да тут есть много разных переходов. Вы их не знаете, а мы знаем.

После того случая артиллеристы перестали полагаться исключительно на выдвинутую вперед пехоту и усилили собственное охранение.

37

На Восточном фронте, как и на Западном, установилось шаткое позиционное равновесие. Правда, здесь его пытались нарушить обе противоборствующие стороны...

Уже в то время главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов стал вынашивать планы наступления через Карпаты на Будапешт, чтобы окончательно добить австрийцев. Но Ставка не соглашалась, считая по-прежнему главной целью Берлин.

Однако Николай Иудович не собирался отказываться от своей затеи.

Вскоре командующий 8-й армией генерал Брусилов получил приказ: овладеть хребтом Карпатских Бескид от Лупковского до Ростокского перевалов.

Мороз достигал минус двадцати градусов, снежная метель заволакивала лощину и слепила глаза. Дорог через горы не было – одни козьи тропы, крутые, скользкие...

Начальник Железной бригады генерал Деникин пошел на риск: оставил под прикрытием одного батальона артиллерию

и обоз; часть лошадей солдаты распрягли и взяли с собой, навьючив их мешками с сухарями и патронами. Преодолевая огромные трудности, двигаясь по обледенелым, заросшим мелким кустарником склонам гор, русские полки, опрокидывая австрийцев, ворвались в город и станцию Медзилаборце²³.

Войска 24-го корпуса проникли глубоко в расположение противника и захватили главную питательную артерию его фронта – железнодорожную линию Медзилаборце – Гуменное.

Но австрийцы перешли в контратаку и отбросили россиян далеко назад...

Только к концу года армии Юго-Западного фронта вновь заняли линию Карпат.

38

Католики, среди которых особым фанатизмом отличались бойцы легионов польских, воевавших в составе Австро-Венгерской армии, праздновали Рождество Христово. Но особых признаков веселья в осажденном Перемышле не наблюдалось. А в окрестных селах вообще было тихо.

– Здешний люд – в основном, того, русины, отмечающие Святки по нашему календарю, – пояснил припавшему к би-

²³ Теперь в Словакии.

ноклю Гришке Федулову урядник Проценко, в последний момент призванный из Подолии и поэтому неплохо знающий местные традиции.

– Они что же, православные?

– Нет. Униаты...

– Ну-ка, поясни...

– Их священники признают главенство римских пап, однако сохраняют православные обряды и ведут службу на церковно-славянском языке...

– А, черт... Вот, значит, против кого мы воюем!

– Ты, Гриня, не расстраивайся, они супротив русских не дюже драться охочи. Чуть что – бегут на нашу сторону, аж гай шумит!

– Не врешь?

– Чистая правда... Ты же знаешь – я с Тимохой Гаврюшкиным дружу.

– Я тоже...

– Так вот... Он мне по секрету поведал, что всех русинов из Перемышля, того, на итальянский фронт отправили. Чтобы к нашему брату не перебежали.

– Да ну?

– Точно... Ему об этом сам Леонид Петрович рассказал!

ременила позицию – Веверн получил телефонограмму, извещающую о высокой вероятности очередной вылазки австрийцев.

Спустя несколько дней один из артиллеристов случайным выстрелом из орудия сбил австрийский почтовый аэроплан, вылетевший из Перемышля.

Болеслав Вильгельмович пожелал лично ознакомиться с вражеской корреспонденцией. Ничего особенного там не было. Письма, представления к наградам, копии приказов и, наконец, донесение Кусманека о положении дел в осажденной крепости, состоянии войск, их духа, боевой работы.

Генерал жаловался, что гарнизон несет большие потери в живой силе. «Но больше всего мы терпим от огня русской полевой артиллерии, которая с завидной точностью поражает нас всюду, где мы только не показываемся».

Такая оценка противника изрядно потешила самолюбие капитана. И он решил как-то отметить своего лучшего наблюдателя.

Построил батарею и прилюдно пожал Максименко руку:
– Объявляю благодарность!
– Рад стараться, ваше благородие! – бодро протарахтел Никита.

Солдаты резвились, как малые дети: плясали, играли в снежки, даже пытались подраться стенка на стенку, но Тимашев запретил. Все-таки – война! Неровен час, еще покалечат друг друга перед ответственными сраженьями!

И тут кто-то запел:

Дева Богородица, чистая Мария,
Матерь Предъизбранная, мира красота.
Кроткая Владычица, сохрани Россию,
Умоли о грешных нас Господа Христа.
О, Пренепорочная, родшая Мессию,
Истину державшая на Своих руках —
Умоли же Господа, да спасет Россию
И помянет грешных нас в горних Небесах!

Запевалу неожиданно поддержал Федулов. Повернулся к командиру полка и затянул могучим басом:

Добрый тебе вечер, ласковый хозяин!
Радуйся, радуйся земля!
Сын Божий в мир родился!
Мы к тебе хозяин с добрыми вестями,
Радуйся, радуйся земля!
Сын Божий в мир родился.

Леониду Петровичу колядка почему-то не понравилась, хотя он и натянул улыбку на свое холеное лицо.

– И правда, у него что-то с башкой после того клятого

затмения! – прошептал в ухо сотника Дутова. – Ты следишь за ним, Николай Петрович?

– Так точно, ваше высокоблагородие!

– Ну и что скажешь?

– Отдохнуть ему надобно...

– Это на что ты намекаешь?

– На отпуск, господин полковник!

– Ладно... Казак он и вправду хоть куда! Вот возьмем Перемышль – и отправлю его на месяц под подол к Матрене... Авось и пройдет блажь-то?

– Пройдет непременно! – заверил сотник.

Тем временем казаки, вдоволь наколядовавшись, переключились на частушки. И опять отличился Федулов, разудало спевши куплет наверняка собственного сочинения:

Как наступит война,
Мы забьем кабана.
В жопу пороха набьем —
Всех австрийцев перебьем!

– Вот это, пожалуй, лучше будет! – довольно улыбнулся Тимашев. – А то «сын Божий», «ласковый хозяин»... Не казак, а сердобольный монах!

Первые солдатские перемирия зафиксировали на Восточном фронте еще в пасхальные праздники 1914 года. Но они были единичными и резонанса в обществе не вызвали. На рождественские праздники в начале 1915-го произошли первые братания солдат противоборствующих армий на Западе. Немцы вдруг отказались стрелять в британцев и французов; союзники ответили тем же. Но об этих случаях знали далеко не все русские офицеры. Что тогда говорить о нижних чинах? Любые разговоры среди них о «братоубийстве» жестко пресекались командирами. И Гришка Федулов решил немного «прикусить язык»...

Очередную рекогносцировку позиций вместе с Веверном проводил начальник штаба дивизии.

– Видите ли, Болеслав Вильгельмович, – начал он, – наши дела в Карпатах настолько пошатнулись, что в один прекрасный день нас просто могут раздавить с двух сторон. Необходимо подготовиться, чтобы этого не случилось...

Слова полковника прозвучали как гром в безоблачном небе. Досиделись... Неужели, действительно придется снять

осаду крепости?

Сколько напрасных трудов, сколько зря пролитой крови!

Начштаба вскоре уехал, а его высказывания надолго засели в голове капитана.

43

Веверн с Тиличевым сидели в своей комнате за самоваром и прислушивались к редким ружейным залпам.

Они оба давно научились отличать свой хлопок от чужого. Русский – одиночный, австрийский – двойной: эхо моментально повторяет каждый выстрел неприятеля.

Только что Болеслав Вильгельмович получил по телефону очередной приказ начальника Южного сектора: отправиться на участок, занятый 9-й кавалерийской дивизией, выбрать в горном районе удобную артиллерийскую позицию и поставить на нее 17-ю конную батарею.

Приказ показался довольно странным. Но как бы там ни было, его надо выполнять, а не обсуждать. Офицеры быстро собрались и верхом помчались к подполковнику Саблину – командиру подразделения, о судьбе которого хлопотало высокое начальство.

Тот был явно смущен.

– Начальнику сектора захотелось, чтобы моя батарея непременно залезла в горы, а я ответил, что она не горная, а конная... Но он продолжал настаивать на своем приказании,

хотя там нет ни подъездных путей, ни хороших артиллерийских позиций. Поедемте вместе, сами увидите...

– Когда?

– Давайте завтра!

В назначенное время Веверн с Тиличевым прибыли на место встречи. К ним сразу же подошел уральский казак.

О славных подвигах воинов этого легендарного полка Болеслав Вильгельмович был осведомлен весьма неплохо.

13 августа 1914 года у деревни Остров хорунжий Петр Трифонович Торбин с разъездом в 15 казаков атаковал неприятеля, значительно превосходящего по численности; часть австрийцев уничтожил, а часть взял в плен. 19 августа он же, возвращаясь из разведки с разъездом в 10 казаков, лихой атакой уничтожил подразделение противника из 12 человек, взял в плен одного офицера и пять нижних чинов, за что был награжден золотым Георгиевским оружием. С 22 августа по 9 сентября полк участвовал в Городокском сражении, решившем участь Галицийской битвы. 30 августа 1914 года подъесаул Сергей Гуриевич Курин, командуя сборной полусотней и находясь с разъездом силой в 12 коней у села Высокое под городом Рава Русская, уничтожил неприятельский разъезд силой в 15 коней, взял в плен одного офицера и восемь нижних чинов. Приказом командующего ЮЗФ № 377 от 26 декабря 1914 года за этот подвиг он был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. Этим же приказом «За отличия, оказанные в делах против неприятеля»

ля» награждены орденом Святой Анны 2-й степени с мечами подьесаул Иван Пономарев, орденом Святого Стани слава 2-й степени с мечами есаул Александр Хохлачев, подьесаулы Василий Смирнов и Александр Аничхин, сотник Михаил Толстов, орденом Святой Анны 2-й степени «За отличную усердную службу и труды, понесенные во время военных действий» делопроизводитель по хозяйственной части титулярный советник Алексей Лазоренко. Приказом № 162 от 16 октября 1914 года «За отличие в боях» произведены в прапорщики зауряд-прапорщик²⁴

²⁴ Зауряд-прапорщик – младший офицер, призванный из запаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.